

**Ошибки в языковой политике
как фактор распада Советского Союза***

Лю Цзюань

Цзянсуский океанологический университет,
Цзянсу, Китай

**Mistakes in Language Policy
as a Factor in the Collapse of the Soviet Union****

Liu Juan

Jiangsu Ocean University,
Jiangsu, China

This article analyses the evolution of language policy in the former Soviet Union with reference to documentary sources and its relationship with national policy and the Constitution. The rapid changes in the national policy of the USSR, starting with the idea of full equality of all nations and the right to self-determination, with subsequent changes towards the rapprochement of peoples, influenced the language policy, which evolved from multilingualism to bilingualism with an emphasis on the Russian language. It is important to note that the Russian language did not have a clear legal status in the USSR Constitution, unlike the national languages, which were enshrined in the constitutions and language laws of the Soviet republics. The Russian language mainly spread through administrative decrees, which led to negative consequences such as manipulation of language issues by local nationalists and the emergence of national conflicts, and influenced the process of the collapse of the Soviet Union. Compared to the modern European Union, where English dominates over other languages, the USSR represented

* Работа выполнена в рамках проекта фонда «Русский мир» (грант № 2611 Гр // II-101-22) и гранта Центра языкового образования и сотрудничества при Министерстве образования КНР (№ 22YH19B) (中外语言交流合作中心国际中文教育研究课题“俄罗斯本土汉语教学法”项目 (项目批准号 22YH19B))).

** Citation: Liu Juan (2024). Mistakes in Language Policy as a Factor in the Collapse of the Soviet Union. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 286–302. DOI 10.15826/qr.2024.1.879.

Цитирование: Liu Juan. Mistakes in Language Policy as a Factor in the Collapse of the Soviet Union // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 286–302. DOI 10.15826/qr.2024.1.879 / Лю Цзюань. Ошибки в языковой политике как фактор распада Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 286–302. DOI 10.15826/qr.2024.1.879.

a different version of language coexistence and a different language policy. This emphasizes the importance of finding a balance between the unity and diversity of languages and cultures of nations. The lack of a clear position on multilingualism and manipulation of the national sense of language as an indicator of identity contributed to tensions and aroused all kinds of emotions, thus provoking conflicts on cultural and national grounds.

Keywords: language policy, language laws, Soviet Union, national languages, titular language, Russian-speaking dominance

Анализируется эволюция языковой политики в бывшем Советском Союзе с учетом документальных источников, а также ее взаимосвязь с национальной политикой и Конституцией. Стремительные изменения в национальной политике СССР начиная с идеи полного равноправия всех наций и права на самоопределение с последующими изменениями в сторону сближения народов оказали влияние на языковую политику, которая эволюционировала от многоязычия к двуязычию с акцентом на русский язык. Важно отметить, что русский язык не имел четкого правового статуса в Конституции СССР, в отличие от национальных языков, которые были закреплены в конституциях и законах о языках союзных республик. Распространение русского языка осуществлялось в основном через административные постановления, что привело к негативным последствиям, таким как манипуляции со стороны местных националистов, возникновение национальных конфликтов, и оказало влияние на процесс распада Советского Союза. В сравнении с современным Евросоюзом, где английский язык доминирует над другими, СССР представлял собой иной вариант сосуществования языков и пример иной языковой политики. Это подчеркивает важность поиска баланса между единством и разнообразием языков и культурами наций. Отсутствие четкой позиции по отношению к многоязычию, манипуляции национальным чувством языка как показателем идентичности способствовали напряжению, вызывали разного рода эмоции, провоцируя тем самым конфликты на культурно-национальной почве.

Ключевые слова: языковая политика, законы о языках, Советский Союз, национальные языки, титульный язык, русскоязычная доминанта

Одним из поводов для написания статьи послужило письмо китайского аспиранта, который обучался на Украине и готовился к защите кандидатской диссертации. Он писал диссертацию на русском языке, но столкнулся с неожиданной проблемой. В январе 2021 г. на Украине вступил в силу закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», согласно которому все официальные документы и процедуры долж-

ны были выполняться на украинском языке (ст. 22)¹. Это означало, что китайский аспирант должен был защищать диссертацию на украинском языке, с которым он не был хорошо знаком. Это один из примеров языковой политики, которая начала проводиться в ряде постсоветских государств (на Украине, в Эстонии, Латвии, Литве, Азербайджане и др.).

В 2006 г. в США была разработана и внедрена «Языковая инициатива национальной безопасности», которая отражала англосаксонскую и европейскую установку на государственное моноязычие. Это было обусловлено процессами национального строительства и колониализма в Европе и за ее пределами, в ходе которых язык рассматривался как политический и юридический инструмент, нуждающийся в нормативном определении и законодательной регламентации со стороны государства. Эти традиции выражались в усилении роли единого государственного языка как внутри страны, так и за ее пределами. В США эта установка была усилена идеологией «плавильного котла», согласно которой иммигранты должны ассимилироваться в американское общество, использовать английский язык в официальном общении и делопроизводстве. В «младоевропейских» странах, которые образовались после распада СССР, также наблюдается влияние европейской традиции моноязычия, которая становится правилом, применяемым в формировании собственной языковой политики.

В 1991 г. правительство Советского Союза декларировало изменение политического строя. Распад СССР был результатом взаимодействия внутренних и внешних сил, связанных с множеством исторических и реальных обстоятельств. Среди них языковая политика как составная часть национальной идеологии играла значительную роль в формировании национальных противоречий, конфликт которых привел к такому исходу.

¹ Цитируем: ст. 22, п. 2 («Государственный язык в сфере науки»): «Научные издания публикуются на государственном языке, на английском языке и/или других официальных языках Европейского союза. В случае публикации на английском языке и/или других официальных языках Европейского союза опубликованные материалы должны сопровождаться аннотацией и перечнем ключевых слов на государственном языке». Русский язык не входит в список 23 официальных языков Евросоюза. Ст. 22, п. 4 «Публичная защита диссертации на соискание степени доктора философии, доктора искусства, публичная защита научных достижений в виде диссертации, или опубликованной монографии, или по совокупности статей для присуждения степени доктора наук осуществляется на государственном языке или, по желанию соискателя, на английском языке» [Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного]. Вместе с тем в ст. 20 «Государственный язык в сфере трудовых отношений» оговаривается возможность в отношении иностранцев использования другого языка, кроме государственного, в случае «создания юридических, технических, информационно-рекламных текстов и других сообщений и документов (в том числе устных), адресатами которых являются иностранцы или лица без гражданства, юридические лица, органы и должностные лица иностранных государств и международных организаций» [Там же].

Учение В. И. Ленина о равноправии языков

Языковая политика определялась советскими лингвистами как совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм [Аврорин, Никольский, Швейцер, с. 470].

Эволюция языковой политики в Советском Союзе в начальный период его формирования коррелировала с теоретическим учением В. И. Ленина, в котором утверждались право народов на самоопределение, добровольное вхождение республик в состав страны, закреплявшие тем самым форму социалистического федеративного государства. Эта концепция Ленина последовательно была отражена в конституциях СССР (1924, 1936, 1977, 1988 гг.), которые поддерживали идею «права каждой союзной республики на свободный выход из СССР» и определяли союзные республики как суверенные советские социалистические государства. Это означало, что союзные республики имели политический, экономический и юридический статус суверенных государств, а также право на национальное самоопределение. Право на национальный суверенитет стало важной частью права на национальное самоопределение, и это создавало потенциал для будущего усиления национальных сепаратистских движений в республиках и для укрепления национального самосознания и идентичности этнических меньшинств.

В «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г. также было заявлено о равенстве народов страны и их праве на свободное самоопределение, включая возможность отделения и создания независимых государств [Ленин, с. 123]. Идея национальной свободы и равенства была отражена в Конституции СССР 1924 г., в которой были указаны русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и тюрко-татарский языки как общепринятые в союзных республиках (гл. 5, ст. 34). Ленин также подчеркивал равенство языков всех народов как составную часть реализации равноправия этнических групп. Однако исходя из исторического опыта полное языковое равенство оказалось недостижимым, и «чаще всего государственным языком становился язык господствующего этноса» [Алпатов, с. 21]. На практике русский язык не назывался официальным или государственным языком в Конституции СССР 1924 г. Вместе с тем в некоторых республиках в раннесоветское время были введены свои законы с целью повышения роли и статуса национальных языков, что впоследствии способствовало укреплению их национальной идентичности. К примеру, в Латвии в январе 1918 г. был принят указ «О рабочем языке в официальных учреждениях Латвии», в декабре 1919 г. – закон «Об учебных учреждениях», в ноябре 1921 г. издано постановление «О проверке государственных чиновников на владение государственным языком»,

а в январе 1929 г. были приняты «Правила о публичных объявлениях». В Конституции БССР (1927) белорусский язык был определен «как язык, преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями» (ст. 22).

Продолжением идеологии «Декларации прав народов России» стала политика «коренизации» 1923 г. В контексте принципов национальной свободы и равенства, официально объявленных в Конституции СССР 1924 г., эта политика была конкретно реализована в двух основных аспектах:

1. Борьба с неграмотностью и разработка письменных алфавитов для этнических меньшинств, исторически лишенных собственных письменных систем.

2. Реформирование существующих алфавитов, включая латинизацию арабских и монгольских письменных систем.

В результате этих мероприятий были созданы новые письменные языки для 48 народов, включая народы Средней Азии и малочисленные этнические группы Сибири и других регионов. Важно отметить, что национальные языки стали активно использоваться в различных сферах общественной жизни. Например, «в 1927 г. 90 % белорусских школьников, 94 % киргизских и почти 96 % татарских в соответствующих республиках занимались в начальных школах на своих родных языках» [Каппелер, с. 276]. В 1931 г. Президиум ЦИК принял «Постановление об издании литературы на языках национальных меньшинств». Издательская деятельность на национальных языках стала активно развиваться, и «газеты выходили на 50 национальных языках... На украинском языке до Октябрьской революции насчитывалось 15 периодических изданий, на белорусском – 1. В 1929 г. на украинском языке выходило 63 газеты, на белорусском – 9» [Кузнецов, с. 207]. Таким образом, языковая политика в ленинский период советской власти была направлена на поддержку и развитие коренных языков народов СССР в рамках политики коренизации. Эту политику можно охарактеризовать как более демократичную, чем последующая политика русификации.

Русификация в сталинскую эпоху

В период 1920–1930-х гг. И. В. Сталин существенно отклонился от ленинской теории национальной политики. В это время борьба с «великодержавным шовинизмом» активно сменялась борьбой с «буржуазным национализмом». Изменения затронули не только саму направленность национальной политики, но и методы ее проведения. Наблюдалось резкое усиление централизации в определении языковой политики [Алпатов, с. 73]. «Коренизация» завершилась в 1937–1939 гг. возвратом к русификации. Важным этапом переход большинства новобразованных письменных систем на кириллицу, который окончательно завершился в июне 1941 г.

В 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором указывалось, что изучение русского языка во всех нерусских начальных школах необходимо ввести со второго класса, а во всех неполных средних и средних школах – с третьего года обучения. Следует отметить, что Конституция 1936 г. гарантировала гражданам право на образование на родном языке (ст. 121). Это постановление существенно изменило баланс между разными языками в системе образования. Русский язык стал обязательным предметом во всех нерусских школах. По заключению историка педагогики, «общее количество часов, отводимых на изучение русского языка в русских и нерусских школах, было почти одно и то же, но на родной язык и арифметику во II, III и IV классах, по сравнению с учебным планом русских школ, отводится немного меньше часов. К концу пребывания в начальной школе дети всех национальностей СССР обязаны были овладеть речью и грамотностью на русском языке. Преподавание русского языка в нерусских школах должно стоять на высоком уровне» [Медынский, с. 70–71].

В третьей части статьи «Национальный вопрос и ленинизм», имеющей подзаголовок «Будущность наций и национальных языков» (март 1929 г.), И. В. Сталин выразил свое видение перспектив национального развития, которое включало в себя интеграцию и исчезновение наций. Он предположил, что на следующем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйствования станет достаточно устойчивой и социализм станет частью повседневной жизни народов, нации будут убеждены на практике в преимуществах единого языка перед национальными [Сталин, с. 349]. Это, по мнению Сталина, должно было привести к постепенному угасанию национальных различий и языков, место которых в будущем займет общий мировой язык, и произойдет слияние наций. В 1951 г. в статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1951 г.) он отстаивал мнение, что русский язык, вероятно, станет мировым языком.

Исходя из этого ЦК КПСС стремился сделать русский язык единственным государственным языком, что фактически вступало в противоречие с основным законом СССР. Конституции СССР 1924 и 1936 гг. гарантировали гражданам союзных республик право на получение образования на родном языке. В частности, в конституции Украинской ССР 1937 г. написано, что к ведению УССР в лице ее высших органов власти и органов государственного управления относятся издание законов УССР и руководство делом начального, среднего и высшего образования (ст. 19). Гражданин имеет право на образование, которое обеспечивается обучением в школах на родном языке (ст. 101). В постановлении же ЦК ВКП(б) от 1938 г. предписывается введение преподавания русского языка как обязательного в достаточном объеме во всех школах национальных республик.

Следует также отметить, что в Конституции 1924 г. русский язык именовался общеупотребимым, в то время как из Конституции 1936 г. и последующих конституций эта фраза была полностью исключена. Все постановления Сталина по распространению русского языка противоречили конституциям как 1924, так и 1936 г. Это отсутствие ясного указания о статусе русского языка, возможно, является одной из важных недоработок в советском языковом законодательстве.

Усиление роли русского языка во времена правления Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева

Русификационная политика И. В. Сталина в национальных республиках, приведшая к массовому явлению двуязычия, охватывала и сферу высшего образования. Например, «в 1953 г. обучение во всех западноукраинских вузах велось преимущественно на русском языке» [Історія України, с. 452].

Впоследствии, находясь у власти, Н. С. Хрущёв предпринял ряд противоречивых шагов. 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС он выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», в котором осудил методы руководства И. В. Сталина и признал, что тот нарушил ряд основных принципов национальной политики Советского государства. Этот доклад также затронул тему депортации целых народов. После съезда правительство Советского Союза получило много писем от представителей депортированных народов, в которых они просили восстановить их права и возродить национальные автономии. В 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Эти события оказались значительными и трансформационными для национального самосознания, в то же время они открыли путь к возрождению и либерализации общества, затронув сферу государственной языковой политики.

В обществе стало возможным открытое обсуждение проблем сохранения языка. На Украине началось издание многотомного словаря украинского языка, увеличилось издание украиноязычных книг – до 60 % в 1958 г. Среди разных категорий населения республики рос интерес к украинскому языку и культуре, к истории своего народа [Історія України, с. 58].

Однако «свободное» развитие национальной культуры и образования в рамках социалистической идеологии продолжалось недолго. В ноябре 1958 г. пленумом ЦК КПСС был принят новый документ – проект тезисов «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», в котором русский язык был назван могучим средством межнационального общения, укрепления дружбы народов СССР [Президиум ЦК КПСС, т. 2, с. 850]. В результате принятия этого документа в союзных и автономных республиках и краях последовало множество местных постановлений «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем

развитии системы народного образования». Согласно этим постановлениям, родителям предоставлялось право выбора для своих детей школы и языка обучения с целью защиты школьников от «больших языковых нагрузок». Это существенно упростило ситуацию, приведя к массовому переводу большей части национальных школ на русский язык обучения. Это также способствовало превращению национальных школ в обычные русские школы, где родной язык становился только одним из предметов.

Переход к преподаванию на русском языке был аргументирован тем, что ключевым критерием успешного образования стал уровень знаний учащихся, прежде всего по русскому языку. Многие нерусские семьи добровольно отправляли своих детей в русскоязычные школы в надежде на будущую карьеру. Например, это привело к постепенному переводу детей из марийских школ в русскоязычные [Михайлов, с. 72]. В ряде городов и районных центров родной язык перестали преподавать, в частности, чувашские школы были преобразованы в русские [Ефимов, с. 127].

Результатом школьной реформы 1958 г. стал последовательный перевод языка обучения большинству предметов с родных языков на русский не только в средних (5–8-х), но и в начальных (1–3-х) классах национальных школ. Это вызвало вытеснение родного языка и культуры из системы образования [Нарядкина, с. 36]. В 1959 г. в СССР был принят закон «Об образовании», который давал родителям право выбора языка обучения для своих детей, что фактически было использовано для русификации украинской системы образования. Программа, утвержденная на XXII съезде КПСС в 1961 г., провозглашала задачу партии, состоящую в дальнейшем сближении наций и достижении полного их единения, и русский язык характеризовался как средство межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР.

Многие национальные языки не имели к тому моменту достаточно развитой научной терминологии для обеспечения высокого уровня образования, который был установлен в СССР в качестве стандарта. Это привело к доминированию русского языка в системе среднего и высшего образования в союзных республиках, особенно в технических учебных заведениях. Более 2/3 студентов обучались на русском языке [Арефьев, с. 39].

Постановление ЦК КПСС 1958 г. о развитии русского языка и борьбе с национализмом в национальных республиках вызвало в Латвии и Азербайджане протесты и неповиновение со стороны местных партийных и культурных деятелей, которые считали, что права и интересы национальных языков и культур ущемляются. В ответ на это постановление в республиках в июне 1959 г. были приняты постановления об обязательном изучении госслужащими азербайджанского и латвийского языков с последующей сдачей экзаменов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 83. Д. 504. Л. 125].

Языковая политика в период Н. С. Хрущёва заключалась в постепенном вытеснении национальных языков в пользу русского с тем, чтобы сделать русский язык общим для единого советского народа. Однако следствиями такой политики были усиление чувства национального унижения и формирование вектора национальной самоидентификации в республиках. На украинской территории уровень национального самосознания был высоким, и это стало ярко проявляться в реакции на программу XXII съезда КПСС. В частности, в феврале 1965 г. в Киеве состоялась научная конференция по вопросам украиноязычной культуры, на которой интеллигенция выразила свой протест против процессов русификации Украины. Критик и писатель Иван Дзюба направил письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Украины, в котором выразил свой протест против репрессий в отношении интеллигенции. К письму он приложил рукопись своей книги под названием «Интернационализм или русификация?», в которой указывалось на тот факт, что украинский язык был вытеснен на второй план и фактически перестал употребляться во многих городах Украины [Дзюба, с. 51]. В защиту украинского языка выступил и первый секретарь ЦК КП Украины (1963–1972) П. Е. Шелест, предложивший расширить сферу его использования. Летом 1965 г. указание перевести обучение на украинский язык в течение трех месяцев было дано высшим учебным заведениям [Млечин, с. 360].

В конце 1970-х и начале 1980-х гг. в области языковой политики действовало постановление ЦК Коммунистической партии Советского Союза от 13 октября 1978 г. «О дальнейшем совершенствовании изучения и преподавания русского языка в союзных республиках». В этот период в Ташкенте прошли две всесоюзные научно-практические конференции, посвященные изучению русского языка (1975 и 1979 гг.), в результате чего было принято постановление ЦК КП Узбекистана «О мерах по дальнейшему совершенствованию преподавания и изучения русского языка в школах, высших и средних специальных учебных заведениях республики». Согласно новому учебному плану всех уровней обучения (с 1-го по 10-й класс), во всех общеобразовательных школах Узбекистана на русский язык и литературу было выделено 47 часов в неделю [Шермухамедов].

В 1978 г. коллегия Министерства просвещения Узбекистана приняла постановление «О дополнительных мерах по дальнейшему улучшению изучения и преподавания русского языка и литературы в школах, дошкольных и внешкольных учреждениях, педагогических учебных заведениях». В том же году коллегия Министерства образования УССР приняла директиву «О совершенствовании изучения русского языка в украинских школах». В 1983 г. было принято последнее в период существования Советского Союза постановление ЦК и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других

учебных заведениях союзных республик». Эти решения получили воплощение в реальной практике и способствовали дальнейшему укреплению образования и культуры различных национальных групп. Они были направлены на повышение уровня знания русского языка как государственного и как средства межнационального общения в СССР. Однако это не означало подавления или ущемления национальных языков, которые также получали поддержку и развитие в рамках советской системы образования и культуры. Е. В. Шелестюк подчеркивает, что период с 1950-х по 1980-е гг. в СССР можно назвать «временем расцвета духовной и творческой жизни советских народов», а также «золотым веком для развития национальных языков СССР, на которых была создана гуманистическая и жизнеутверждающая литература» [Шелестюк, с. 73]. Таким образом, можно сказать, что советская языковая политика была направлена на сбалансированное сочетание единства и разнообразия, сохранение и развитие национальных культур в рамках социалистического строя.

Языковая политика в эпоху правления М. С. Горбачёва в целом являлась продолжением политики предшествующего периода. Однако существенным отличием был более сдержанный подход к ее реализации, который мог «дать националистически настроенным политическим силам весь спектр возможностей для продвижения идей самостоятельного национального управления» [Гребенников, с. 54]. Эти политические силы были различны по своему характеру и составу, но объединялись общим стремлением к национальному самоопределению и достижению независимости от СССР.

В конце 1980-х гг. в 12 союзных республиках последовательно были разработаны и приняты собственные законы о языках. Например, Азербайджан, Грузия и Армения уже с 1978 г. в своих конституциях присвоили своим национальным языкам статус государственных. В ст. 73 Конституции Азербайджанской ССР, принятой 21 апреля 1978 г., вновь провозглашалось, что азербайджанский язык является государственным языком республики. Согласно ст. 75 Конституции Грузинской ССР, принятой 15 апреля 1978 г., грузинский язык был утвержден в качестве государственного. Ст. 72 Конституции Армянской ССР, принятой 14 апреля 1978 г., закрепила армянский язык как государственный язык республики. Советское правительство не вмешивалось в эти решения, что фактически отражало усиление автономии республик в вопросах языковой политики, которое отмечалось как фактор, способствующий ослаблению контроля центральной власти в этой области.

24 апреля 1990 г. был принят закон «О языках народов СССР». Это первый и последний закон Советского Союза о языках народов, который провозгласил русский язык официальным языком Советского Союза. Проблемы, связанные с состоянием русского языка как общегосударственного, начали возникать давно, и советское правительство предпринимало попытки предотвратить его кризис. Однако

на момент принятия указанного закона уже было слишком поздно для восстановления прежнего статуса русского языка в стране. Как отмечает китайский исследователь Чжоу Циншэн, «языковое законодательство в союзных республиках существовало уже давно, а языковой закон, провозглашенный центральным правительством, еще не работал. Иными словами, языковое законодательство союзных республик стало важным фактором движения за национальное освобождение от СССР и подготовило почву для суверенитета республик, который был провозглашен позже. <...> Языковое законодательство и национальный сепаратизм следует рассматривать как взаимосвязь между средством и целью» [Чжоу Циншэн, с. 91, 100].

Языковая политика СССР: возможные интерпретации

Советское руководство внесло значительный вклад в развитие цивилизации как народов СССР, так и всего мира, что прежде всего проявилось в повышении уровня грамотности народа. В СССР также уделялось значительное внимание развитию национальных языков, а также изданию литературы на этих языках. Создание институтов, университетов и факультетов, занимающихся изучением национальных литератур, языков и культур, а также поддержка национальных театров, киностудий, НИИ и производств способствовали увеличению числа учащихся и студентов коренных национальностей республик Средней Азии, Украины и Казахстана. Например, число украинцев, обучавшихся в средних специальных учебных заведениях в 1957/1958 учебном году, по сравнению с 1927/1928 учебным годом выросло в 11 раз, а число студентов – в 7,8 раза, казахов – соответственно, в 7 и 52 раза, узбеков – в 6 раз и 52 раза, таджиков – в 18 и 76 раз, и киргизов – в 10 и 53 раза [СССР в цифрах, с. 361–362]. Многократно выросло количество печатных изданий на отдельных языках народов СССР. Например, число печатных единиц на русском языке в 1957 г. увеличилось в 1,8 раза по сравнению с 1913 г., а тиражи увеличились в 10,5 раза, а на украинском языке – соответственно, в 12 и 110 раз, на узбекском языке – в 191 и 164 раза, на казахском языке – в 6 и 18 раз, на грузинском языке – в 9 и 66 раз [СССР в цифрах, с. 373].

Но некоторые украинцы, несмотря на усилия советского руководства, упрекали советскую власть в том, что она намеренно пыталась нанести определенный вред национальным языкам. Так, например, лингвист Агафангел Крымский в своем письме по поводу издания украино-русского словаря писал: «словарь составлен... с последовательной целью изуверчить наш язык, испоганить и переиначить его структуру. А в государственной комиссии изуверы и губители нашего языка, авторы этого антинаучного и тенденциозного вредоносного “русско-русского словаря”, вовсе не на скамье подсудимых в виде обвиняемых, а на судейской скамье с правом решающего голоса» [цит. по: Масенко, с. 48].

Право на национальное самоопределение в национальной политике подразумевает абсолютное равенство различных национальностей и, следовательно, учет особых интересов каждой из них. Национальные республики СССР в Конституции СССР от 1924 г. получили свои названия в соответствии с титульными национальностями, проживавшими на их территориях, а их языки получили статус государственных или официальных в рамках союзного государства. Этот процесс национального самоопределения способствовал формированию национальной идентичности, которая, в свою очередь, могла ослаблять централизованное управление со стороны правительства и усиливать национальное самосознание, а также способствовать тенденциям к этническому сепаратизму.

В противовес этому сталинская система стремилась укрепить позиции русского языка и письменности через политику национальной интеграции, что вызывало недовольство среди представителей нерусских национальностей и могло порождать национальные конфликты. В 1936 г. в Советском Союзе была принята новая Конституция, в которой было заявлено о достижении победы социализма в стране. Это упрощенное представление также оказало влияние на национальную политику и языковую политику в СССР, так как предполагало, что национальный вопрос был окончательно решен, а национальные различия должны были быть преодолены в процессе строительства коммунизма. В результате советская национальная политика, включая ее языковую составляющую, способствовала существенному усилению национального самосознания многих народов, которое долгое время пребывало в латентном состоянии, но в период перестройки реализовалось [Алпатов, с. 133].

Н. С. Хрущёв предложил пересмотреть этот подход и вернуться к идее слияния наций. Вместо сталинской формулы «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур» он и М. А. Суслов выдвинули новую формулу «расцвета и сближения наций». Из этой формулы специально исключалась «национальная формула» Сталина, то есть национальный язык как основное средство выражения национальной культуры. Это было обусловлено тем, что при слиянии наций через сближение предполагалось, что у всех будет один общий язык – русский.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что в СССР национальный вопрос окончательно и бесповоротно решен. Никто из руководителей страны после И. В. Сталина к этому вопросу не считал нужным возвращаться. Это была серьезная ошибка, одна из многих, которая привела к тупиковой ситуации в национальной политике, включая вопрос о языке.

Советская языковая политика и Конституции СССР обладали внутренней противоречивостью. В Конституции 1924 г. русский язык был назван общеупотребительным, но в последующих конституциях о его статусе уже не упоминалось. Конституции 1924, 1936 и 1977 гг. гарантировали равноправие наций и право на образование на род-

ном языке. Однако уже через год после принятия очередной конституции издавались постановления ЦК КПСС о формате преподавания русского языка в национальных школах, что приводило к увеличению отведенного на него времени и отмене обучения на родных языках в некоторых национальных школах. Обучение основывалось на русскоязычной учебной литературе.

В 1978 г. в Грузии произошли «языковые» волнения, вызванные недовольством новым проектом конституции, в котором предлагалось сделать русский язык одним из государственных. Однако этот процесс не встретил однозначного сопротивления со стороны других национальных республик. С одной стороны, существовало движение граждан национальных республик, желающих отправлять своих детей в русские школы, считавших это возможностью для карьерного роста и обеспечения социальной мобильности. С другой стороны, часть национальных элит поддерживала укрепление позиций русского языка как средства интеграции и общения с другими нациями СССР. Таким образом, ситуация с образованием на родном языке в СССР была сложной и противоречивой и не может быть описана только как насильственное навязывание русского языка со стороны центральных властей.

В период существования СССР в языковой политике наблюдалась некоторая неоднозначность. Как отмечает В. М. Алпатов, в начале 1990-х гг. власть не имела четкой стратегии в сфере языковой политики и реагировала на акции «национал-сепаратистов» весьма пассивно [Алпатов, с. 145]. Важными целями законодательства в этой сфере являются определение официального языка, а также установление сферы его использования. Кроме того, оно должно быть направлено на урегулирование взаимоотношений между различными национальными языками, обеспечение прав граждан и снижение возможных языковых противоречий и конфликтов [Чэнь Чжантай, с. 19]. Но законодательство не может полностью решить все проблемы, связанные с языковой сферой, оно требует постоянной адаптации к изменяющимся общественным условиям. Поэтому планирование в этой области должно быть гибким, динамичным и долгосрочным процессом, который учитывает потребности и ожидания различных языковых сообществ, а также реальные возможности и ограничения.

Администрирование языковой политики, несомненно, представляет собой сложную задачу, сопряженную с рядом преимуществ и недостатков. Ее осуществление должно базироваться на активном участии широких масс населения и активной поддержке со стороны правительства. В исторической перспективе в СССР с 1924 г. в конституционных документах закреплялось право советского гражданина на получение образования на родном языке, которое не всегда полностью реализовывалось. В разные исторические периоды существовали различные вызовы и препятствия, мешающие обеспечению качественного и доступного образования на родном языке. К ним относились недостаток

учебников и квалифицированных кадров, проблемы с материальной базой, а также несовершенство стандартов обучения.

Примером того, как политические решения могут влиять на события, может служить случай с П. Е. Шелестом, уволенным с должности первого секретаря ЦК КП Украины в 1972 г. из-за публикации книги «Украина наша советская». Это произошло в контексте чистки среди высших и местных руководящих кадров. Советское правительство также иногда прибегало к административным методам для разрешения языковых и этнических конфликтов, что, однако, не всегда давало положительные результаты. Важно отметить, что такие конфликты имели серьезное воздействие на чувства нерусских народов, усиливали этническое разобщение и вносили дисгармонию в межнациональные отношения. В итоге они могли привести к драматическим последствиям и росту напряженности в обществе.

* * *

В контексте многонациональных стран важным является вопрос сохранения национального единства при признании языковых и культурных особенностей различных этнических групп и соблюдении их прав. Эта проблематика приобретает актуальность в свете необходимости разработки новых методов и стратегий, которые общество и государство могут применять для сохранения и развития национальных языков и культур. Идеальной моделью языковой политики в многонациональных обществах является политика «единства в многообразии», которая способствует продвижению универсального языка на основе уважения и поддержки национальных языков. Кроме того, она поощряет одновременное обучение как общеупотребительному языку, так и национальным языкам.

Русский язык потерял свой статус второго государственного или регионального языка в большинстве бывших республик. Это может рассматриваться как несоответствие исторической реальности, которая показывает, что русский язык играл важную роль в общении и интеграции народов СССР. Более того, это может нарушать закон развития общества, который предполагает необходимость сотрудничества и диалога между представителями разных культур и носителями разных языков для обеспечения устойчивого многонационального сосуществования.

Библиографические ссылки

Аврорин В. А., Никольский Л. Б., Швейцер А. Д. Языковая политика // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 30. 631 с.

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000 : Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт+ : Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.

Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

Гребенников Е. Народный фронт Азербайджана 1988–1989 гг.: проблема объединения либерального и националистического направлений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5/2. С. 53–57.

Ефимов Л. А. Школьная реформа 1958 г. и проблемы языковой политики в процессе ее реализации в Чувашии // Интеграция образования. 2012. № 1. С. 125–130.

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація. Київ : Києво-Могилянська акад., 2005. 336 с.

История Украины : науч.-популярные очерки / под ред. В. А. Смолия. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000) : учеб. комплект (учеб. пособие ; хрестоматия). 5-е изд., испр., стер. М. : Флинта, 2018. 640 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 24. 568 с.

Масенко Л. Мова і суспільство: постколоніальний вимір. Київ : Києво-Могилянська акад., 2004. 163 с.

Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 260 с.

Михайлов В. Т. Советский период эволюции марийской национальной учебной книги: история, теория, практика // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 66–73.

Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М. : Центрполиграф, 2008. 511 с.

Нарядкина Л. А. Школьная реформа 1958 г. и национальное образование // Фундаментальные исслед. 2005. № 4. С. 35–36.

Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2023 г.) : закон Украины от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33624660&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 01.01.2024).

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления : в 3 т. / под ред. А. А. Фурсенко. М. : РОССПЭН, 2006. Т. 2. Постановления, 1954–1958. 1120 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 83. Д. 504.

СССР в цифрах. 1958 : стат. сб. / под ред. В. Н. Демина. М. : Гос. стат. изд-во, 1958. 469 с.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм : Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : ОГИЗ : Изд-во полит. лит., 1946–1953. Т. 11. С. 333–355.

Чжоу Цзиншэн. Сравнение языкового законодательства Квебека и Эстонии // Обзор глобального права. 1999. № 1. С. 90–101. (周庆生. 魁北克与爱沙尼亚语言立法比较 // 外国法译评. 1999年, 1期, 90–101页.)

Чэнь Чжантай. О языковом законодательстве // Прикладная лингвистика. 2002. № 4. С. 19–24. (陈章太. 说语言立法 // 语言文字应用. 2002年, 4期, 19–24页.)

Шелестюк Е. В. Языковая политика и языковое образование в СССР в послевоенный период // Социоллингвистика. 2021. № 4. С. 60–85. DOI 10.37892/2713-2951-4-8-61-86.

Шермухамедов С. Ш. Изучению русского языка – всеобщее внимание // Общественные науки в Узбекистане. 1979. № 3. С. 24–30.

Історія України : підручник для студентів неісторичних спеціальностей вищих навчальних закладів / под ред. М. І. Бушина, О. І. Гуржія. Черкаси : ЧДТУ, 2016. 644 с.

References

- Alpatov, V. M. (2000). *150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and Politics. 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN. 224 p.
- Aref'ev, A. L. (2012). *Russkii yazyk na rubezhe XX–XXI vekov* [Russian Language at the Turn of the 21st Century]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. 482 p.
- Avrorin, V. A., Nikol'skii, L. B., Shveitser, A. D. (1969–1978). *Yazykovaya politika* [Language Policy]. In Prokhorov, A. M. (Ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3rd Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 30. 631 p.
- Bushin, M. I., Gurzhii, O. I. (Eds.). (2016). *Istoriya Ukraini. Pidruchnik dlya studentiv neistorichnikh spetsial'nostei vishchikh navchal'nikh zakladiv* [History of Ukraine. A Textbook for Students of Non-Historical Specialties of Higher Education]. Cherkasi, Cherkas'kii derzhavnyi tekhnologichniy universitet. 644 p.
- Chen Zhangtai. (2002). On Linguistic Legislation. In *Applied Linguistics*. No. 4, pp. 19–24. (In Chinese.)
- Demin, V. N. (Ed.). (1958). *SSSR v tsifrakh. 1958. Statisticheskii sbornik* [USSR in Figures. 1958. Statistic Collection]. Moscow, Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. 469 p.
- Dzyuba, I. (2005). *Internatsionalizm chi rusifikatsiya* [Internationalism or Russification]. Kiïv, Kiev-Mogilyans'ka akademiya. 336 p.
- Efimov, L. A. (2012). Shkol'naya reforma 1958 g. i problemy yazykovoï politiki v protsesse ee realizatsii v Chuvashii [School Reform of 1958 and Issues of Language Policy in the Process of Its Implementation in Chuvashia]. In *Integratsiya obrazovaniya*. No. 1, pp. 125–130.
- Fursenko, A. A. (Ed.). (2006). *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernoye protokol'nye zapisi zasedanii: stenogrammy, postanovleniya v 3 t.* [Praesidium of the CPSU Central Committee. 1954–1964. Minuta aspera conventus: transcripta, resolutiones. 3 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. *Postanovleniya, 1954–1958*. 1120 p.
- Grebennikov, E. (2016). Narodnyi front Azerbaizhdana 1988–1989 gg.: problema ob'edineniya liberal'nogo i natsionalisticheskogo napravlenii [The Popular Front of Azerbaijan in 1988–1989: The Problem of Unification of the Liberal and Nationalist Directions]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. No. 5/2, pp. 53–57.
- Kappeler, A. (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [The Russian Empire: A Multi-Ethnic History] / transl. by S. Chervonnaya. Moscow, Progress-Traditsiya. 342 p.
- Kuznetsov, I. V. (2018). *Istoriya otechestvennoi zhurnalistiki (1917–2000). Uchebnyi komplekt (uchebnoe posobie; khrestomatiya)* [History of National Journalism (1917–2000). Textbook Kit (Textbook; Reader)]. 5th Ed. Moscow, Flinta. 640 p.
- Lenin, V. I. (1958–1965). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 24. 568 p.
- Masenko, L. (2004). *Mova i suspil'stvo: postkolonial'nyi vimir* [Language and Society: Postcolonial Dimension]. Kiïv, Kiev-Mogilyans'ka akademiya. 163 p.
- Medynskii, E. N. (1952). *Narodnoe obrazovanie v SSSR* [Public Education in the USSR]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. 260 p.
- Mikhailov, V. T. (2012). Sovetskii period evolyutsii mariiskoi natsional'noi uchebnoi knigi: istoriya, teoriya, praktika [The Soviet Period of the Evolution of the Mari National Educational Book: History, Theory, Practice]. In *Finno-ugorskii mir*. No. 3/4, pp. 66–73.
- Mlechin, L. M. (2008). *Yurii Andropov. Poslednyaya nadezhda rezhima* [Yuri Andropov. Ultima Spes Regiminis]. Moscow, Tsentrpoligraf. 511 p.
- Naryadkina, L. A. (2005). Shkol'naya reforma 1958 g. i natsional'noe obrazovanie [School Reform of 1958 and National Education]. In *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 4, pp. 35–36.

Ob obespechenii funktsionirovaniya ukrainskogo yazyka kak gosudarstvennogo (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 31.12.2023 g.). Zakon Ukrainy ot 25 aprelya 2019 g. № 2704-VIII [On Ensuring the Functioning of the Ukrainian Language as the State Language (with Amendments and Additions as of December 31, 2023). Law of Ukraine Dated April 25, 2019 No. 2704-VIII]. In *Yurist* [website]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33624660&pos=5;-108#pos=5;-108 (accessed: 01.01.2024).

RGASPI [Russian State Archive of Sociopolitical History]. Stock 17. List 83. Dos. 504.

Shelestyuk, E. V. (2021). Yazykovaya politika i yazykoe obrazovanie v SSSR v poslevoennyi period [Language Policy and Language Education in the USSR in the Post-War Period]. In *Sotsiolingvistika*. No. 4, pp. 60–85. DOI 10.37892/2713-2951-4-8-61-86.

Shermukhamedov, S. Sh. (1979). Izucheniye russkogo yazyka – vseobshchee vnimanie [Studying the Russian Language – Universal Attention]. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 3, pp. 24–30.

Smolii, V. A. (Ed.). (2008). *Istoriya Ukrainy: nauchno-populyarnye ocherki* [History of Ukraine: Popular Scholarly Essays]. Moscow, OLMA Media Grupp. 1070 p.

Stalin, I. V. (1946–1953). Natsional'nyi vopros i leninizm. Otvet tovarishcham Meshkovu, Koval'chuku i drugim [National Question and Leninism: Answer to Comrades Meshkov, Kovalchuk, and Others]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Moscow, OGIZ, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 11, pp. 333–355.

Zhou Qingsheng (1999). Comparison of the Language Legislation of Quebec and Estonia. In *Global Law Rev*. No. 1, pp. 90–101. (*In Chinese.*)

The article was submitted on 22.02.2022